

Карина

КИСЛИЦИНА

КОГДА-НИБУДЬ ВСЁ ЖЕ ПАПА...

I

Тихо в квартире. Слышно соседский счётчик.
Мама легла. Устала на двух работах.
Ире — четыре. Папа у Иры — лётчик.
Только не пишет папа ей отчего-то.

Владиду — восемь. Хочет быть космонавтом,
Мама ему в «Детском мире» купила ракету.
Владик уверен: в небе, где звёзды — папа.
Может быть, даже приедет к ним этим летом.

Ане — двенадцать. Мама у Ани — повар
В местной столовой. Папа по миру ездит.
Он — акробат. Выполняет смертельный номер.
Мама сказала. Повода нет — не верить.

Саше — шестнадцать. Осенью Саше — в колледж,
Хотел бы как папа — актёром. Но будет — столяр.
Мама уходит на ночь. Ведь мама — сторож.
У каждого в жизни свои, несомненно, роли...

II

Игорь Андреевич в кресле-качалке — на даче.
Жизнь пролетела. Поездки... командировки.
Игорь Андреевич — взрослый. И он не плачет,
пьёт молоко и бегаёт стометровки.

Игорь Андреевич ездил по всей России:
Сибирь, Сахалин, Карелия, Крайний Север.
Игорь Андреевич был, как актёр, красивым,
Статным, как лётчик. Как акробат — смелым.

Время летело. Быстро менялись даты,
так что и города он не все запомнил.
Игорь считает, что это теперь — расплата
за бурную жизнь — тишина в лабиринтах комнат.

Он одинок. Из родных — лишь собака Черри.
Тапочки носит. И преданно тянет лапу.

Владики, Иры и Саши упорно верят,
что к ним приедет
когда-нибудь
всё же папа...

НИ СТРОЧКИ НЕ НАПИСАВ

У него высотки там, океан и чужая речь,
хотя не совсем чужая — уже привык.
Он ей пишет: «Я буду тебя беречь.
Знаешь, хочется вечерами лечь,
во весь голос выть...
Приезжай. Я устал от наших с тобой не встреч.

Приезжай, я тебе покажу свой дом. И цветущий сад...
Без тебя я живу с трудом и дышу с трудом.
Без тебя я уже ничему не рад.
Без тебя — не мир, а крошечный ад,
и душа — как высохший водоём.
Я хотел бы с тобой быть вместе. Всегда вдвоём...»

Получая письма, каждое сохраняет построчно,
Прячет в себя. Внутри
сердце бешеный ускоряет ритм.
Кажется, вот секунда — и всё взорвётся.

Что-то поднимается из глубин. И на части рвётся
в каждой из внутренних половин.

Тёплый август... воздух пропитан дыханием трав,
а внутри неё — бездонная пустота,
и на сердце саднит, не залечишь йодом.
Пахнет отчаянием, окончанием лета, и мёдом,
и тоской, что таится в её глазах.

...В декабре поздравит его с Новым годом,
О любви ни строчки не написав...

НАШ ОКТЯБРЬ ОКАЗАЛСЯ СЧАСТЛИВЫМ СЛУЧАЕМ...

Дождь скользит по стеклу —
тугие прозрачные бусины,
Ветер носит кленовые письма к порогу пачками.
А у осени — странное, летнее послевкусие,
даже дым горчит, будто сок
из солнечных одуванчиков.

Прорывая плотину синих осенних сумерек,
когда кажется — небо на плечи падает,
наслаждаемся длинными-длинными буднями,
улыбаясь друг другу под рыжими листопадами.

За кулисами осени — точно в утробе матери,
так тепло и уютно, но в каждой встрече мы
закипаем лавой в бездонном кратере
и дрожим, как тени в закате вечером.

А осенний блюз так спокойно льётся, и так задумчиво
на аллее сумрак молчит, по асфальту стелется.
Наш октябрь оказался счастливым случаем...

Да таким, что в это обоим верится.

СМОГ

I

Грета молчит, Грета читает письмо:
«Я бы приехал вчера, но, как всегда, не смог».
Город накрыла осень и сизый смог,
Грета молчит, варит свой терпкий грог
с апельсином, корицей..
Грета прокручивает в голове слово каждое, каждый слог.
И злится.

Грете вчера стукнуло тридцать три —
возраст Христа, но, что тут ни говори,
она отмирает по клеточке изнутри.
Она отмирает от мысли одной, сдерживая
каждый свой крик,
Грета смотрит на серый, пустой потолок.
У Греты, как грог, сердце бурлит, горит.
Он, как всегда, как всегда, не смог....

Грете ребёнка бы, чтобы не быть одной,
Грете давно тяжело жить и все делать одной.
В вазе стоит, засыхая, цветок полевой.
Осень... время, когда даже близкий — какой-то чужой
становится.

Белые домики с балками дождь накрывает стеной.
Грете опять нездоровится.
Плед на коленях, в руках афоризмы Крауса,
боль — в висок.
Грета не может уснуть, потягивает с корицей
горячий грог.
В патефоне — либретто Каффки. Хотя бы один звонок.
Раз не приехал, пусть хоть позвонит,
всего лишь один звонок...
Он не звонит, телефон молчит. У него жена.
Двое детей, кошка. И он — не Бог.
У него дела.

Грете под сорок. Светлый, уютный дом,
трое ребят смеются, прыгают, мал мала.
У Греты степенный муж, волосы, как смола,
Кафка заброшен на полку, Крауса отдала.
Он ей звонит, говорит, развёлся.
Мёрзнет у автомата в пальто.
Она отвечает: «Я столько тебя ждала, ночей не спала,
что времени не осталось на жизнь.
Надо бежать. Позвони потом».
Осень опять накрывает город, стелется сизый смог.
Грете теперь всё равно, что он наконец-то смог...

Я ТЕБЯ — ОЧЕНЬ...

Помнишь, смеялось небо, светились звёзды,
плескалось море?
Сверкало лето и пело сердце от наших с тобой историй.
Море в ушные втекало, шептало и спать мешало.
Я тобой — мало.

Скоро пройдёт октябрь, my darling, скоро, ещё неделя —
сменятся планы, ориентиры, границы, причины, цели.
Небо из включенных васильков перетечёт
в режим обесточенный.
Я в тебе — прочно.

Пусть скоро зима — время, где ноют раны, темнеет рано,
пусть станет все эфемерным, чужим,
непонятым, странным.
Пусть лопнет немое, больное небо, прольётся белым.
Я с тобой — смело.

Сквозь горы и города, реки, поля и страны,
сквозь разговоры, лица, письма на иностранном.
Сквозь килогерцы и километры, выстрелы двоеточий.
Я тебя — очень...

*

И будет всё (как заново родиться),
мы пересмотрим – начиная «от», кончая «до» —
свои слова, летящие, как птицы,
свои поступки, перестанем злиться
и подведём под прошлым мы итог.

И будет всё. И сны начнут сбываться.
Наперекор. Во имя. Вопреки.
На перекрёстке между наших станций
(Где нет дурацких фраз: «Не прислоняться»)
я наконец... коснусь твоей руки.

СЛУЧАЙ В НОЯБРЕ

Соседка сверху говорит, что руки стынут.
— Не топят! — сокрушается она, —
И пригорела каша, пока сыну
звонила жаловаться с самого утра.
Не топят! Но ругаться — не умею...
А сын с семьёй уехал на Пхукет...
Он мне советует одеться потеплее.
И говорит — на разговоры денег нет.

...Меня давно всё затопило в этом мире:
кредит (три миллиона за квартиру),
дела и неоплаченный налог.
И это всё так нагло, торопливо
меня по самые серёжки затопило,
по самую макушку залило,
но...
Я смотрю на этот одуванчик божий,
на этот свет в глазах её тревожных.
На клетке лестничной стою с ней и молчу.
И мысленно желаю одного:
Пусть в её жизни будет самым страшным
сквозняк в квартире... не сгорает каша,
и пусть звонит почаще её Саша.
И больше не хочу я ничего.

*
Восемьсот километров: степи, леса, поля.
Восемьсот километров: ветер в окно и книга.
Горизонта полоска: вот небо, а вот земля.
Разбегись и прыгай —
в эти плотные, ватные, белые облака,
и, расставив руки, лети, как птица.
Не случится со мной уже без тебя ничего.
И с тобой не случится.

Потому — дорожные столбики по краям,
потому за плечами — давно граница.
Веришь? Все слабей мне скучается. Без тебя
всё слабей искрится.
Восемьсот километров. Под солнцем горит земля.
И смешно, но чем дальше, тем спится крепче.
Ничего не бойся больше, Любовь моя,
разбегись и прыгай, Любовь моя.
Дальше будет легче.

ТРЕТИЙ ГОД БЕЗ ТЕБЯ

Третий год без тебя. И жива. И дышу, как видишь.
(А коньяк и кола, оказалось, неплохо дружат).
У меня появился друг. Ему близок закат и идиш.
А мне близок друг. И он очень сейчас мне нужен.

У тебя там — Прага. Карибы. Нью-Йорк. Манхеттен.
И среди них всё наше — ненужный бесцветный пепел
память выхватит: солнце, ты, и жара, и лето.
Только спрячет память в воду концы при этом.

А в воде — ты стоишь. И плачут, и стонут чайки.
И целует вода ключицы твои и руки.
И смеёшься ты... в мной любимой намокшей майке.

Третий год без тебя,
а как будто...
Не жизнь
как будто...

ВЫДЫХАЙ

Штиль... и волны подобны пледу,
обнимают и греют плечи.

В невесомом дрожании света
ничего не лечит.

Я ныряю, всё глубже, глубже,
метражи синеватых линий.
Если больше никто не нужен,
то отныне —

лишь плыви, задержав дыхание,
и вокруг так тихо, что даже страшно.
Расстояние... расставание
так ли важно?

Тишина внутри, тишина снаружи,
тишина сквозь душу течёт за край.
Если ты никому не нужен —
Выдыхай.

БОББИ

I

Старый Бобби торгует «пепси»
в придорожном кафе молодого Билли.
Билли из дерзких парней,
но Бобби с ним держится по-отцовски.
каждый день провожает глазами
отъезжающие автомобили,
по вечерам сидит с кружкой пива
и парочкой папирос, выпуская кольца.
Бобби жизнь в шестьдесят четыре
уже не кажется такой яркой.
Вспоминает часто умершую жену,
и глаза у него каждый раз краснеют.

Вспоминает,
как по праздникам он дарил ей цветы
и, конечно, подарки,
и как четверть века назад врач развёл руками,
мол — сама выбраться не сумела.

II

Агнешка в кафе появилась давно,
из далёкой приехав Польши,
но так печёт пиццу, что кажется —
нет вкуснее во всей Америке.
Ей давно симпатичен Бобби,
и, кажется — даже больше.
Только вот у него внутри вместо души
давно пустынная прерия.
«Милый Бобби, стань уже наконец счастливым,
стань, дорогой, не бойся.
Жизнь коротка, нужно хвататься
за каждый счастливый случай» —
ночью к нему приходит жена,
говорит: «Успокойся,
вот настанет день, приедешь в мой новый мир,
и тогда заживём ещё лучше».

III

Утром Бобби достаёт из комода рубашки,
выбрав наименее пожелтевшую,
тщательно бреется, чистит ботинки —
с ним давно не случилось такого! —
и вечером, беря пиццу из пухлых агнешкиных рук,
впервые чуть подгоревшую,
говорит, улыбаясь: «Агнешка,
давай я сегодня тебя провожу до дома?»